

³ См.: Leone P. L. M. L'encomio di Niceforo Gregora per il re di Cipro (Ugo IV di Lusignano) // Byzantion. 1981. T. 51. Fasc. 1. P. 211—224.

⁴ См.: Treu M. Die Gesandtschaftsreise des Rhetors Theodulos Magistros // Jahrbücher für classische Philologie. Leipzig, 1902. Suppl.—Bd. 27. H. 1. S. 5—30.

⁵ См.: Leone P. L. M. L'encomio... P. 220. 2.

⁶ См.: Treu M. Die Gesandtschaftsreise.. S. 27.

⁷ См.: Ibid. S. 27. Anm. 1.

⁸ См.: Guillard R. Essai sur Nicéphore Grégoras. P., 1926. P. 151.

⁹ См.: Leone P. L. M. L'encomio... P. 212—214.

¹⁰ См.: Поляковская М. А. Общественно-политическая мысль Византии (40—60-е гг. XIV в.). Свердловск, 1981. С. 7—8 и след.; Закржевская О. Г. Концепция патриотизма Никифора Григоры // АДСВ. Свердловск, 1977. Вып. 14. С. 85 и след.

¹¹ Важность этих линий на примере Византии и Ирана подчеркнул Г. Л. Курбатов (см.: Курбатов Г. Л. Либаний об Иране // АДСВ. 1973. Вып. 10. С. 88).

¹² См.: Hill G. A History of Cyprus. Vol. 2: The Frankish Period, 1192—1432. Cambridge, 1948. P. 285, 304.

Н. И. ДЕВЯТАЙКИНА
Саратовский университет

ПРОБЛЕМА РИМА В ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДАХ ПЕТРАРКИ

«Я горжусь тем, что я итальянец по национальности и римский гражданин» — Петрарка был вправе произнести эти слова. Италия и Рим тоже гордились и продолжают гордиться одним из своих пламенных патриотов. Достаточно было бы одной канцоны «Моя Италия», чтобы имя поэта обрело бессмертие: столь жгучей болью за бедствия родины наполнены эти стихи, столь горячей надеждой на ее возрождение и процветание и страстной жадной «мира, мира, мира!» в ее пределах.

Но первый гуманист не просто питал сыновний чувства к «лучшей части мира». С ранних лет до последнего дня он глубоко размышлял о блестящем прошлом и горестном настоящем своей страны, причинах раздоров и бед, о ее властителях и героях, переплетении интересов папы, императора, мелких итальянских государей, о путях объединения Италии и силах, способных это осуществить. Раздумья о политических судьбах Рима, его роли в античности и в современную Петрарке эпоху тесно связаны с этим.

Случайности здесь не было. Бурные драматические события истории Рима XIV в. то, казалось бы, начинали восстанавливать его былое величие, то опускали его в волны феодальной анархии и беспорядка (особенно после переезда папства в Авиньон). Германские короли предпринимали очередные попытки подчинить Рим и Италию империи, авиньонское папство, равнодушное к судьбам оставленной столицы, иногда пыталось

повлиять на те или иные события в выгодном для себя направлении.

В Риме шла напряженная борьба городской коммуны и могущественного баронства — пополанов и знати. Последняя была столь сильной и властной, что страшила не только горожан, но и пап. Представители крупнейших римских феодальных фамилий держали в своих руках сенат — верховную власть в городе. Опираясь на свои вооруженные силы и наемные шайки, феодальная знать вела непрерывную междоусобную борьбу, которая мешала торгово-промышленной деятельности римского пополанства. Поэтому попопаны устраивали заговоры и восстания, на время приводившие к власти городскую коммуну и «народных капитанов» вроде Джакомо Стефанески или Кола Риенцо.

Восстание Кола ди Риенцо привлекло пристальное внимание Петрарки. Как известно, в 1347 г. Кола предпринял попытку сокрушить власть римских баронов, восстановить в Риме республиканские порядки, объединить всю Италию. Авиньонский клир рассчитывал использовать Кола в своих интересах — для восстановления папского влияния в Риме. Когда эти замыслы провалились, папство посылает в Италию вооруженную экспедицию кардинала Альборноса, силой и кровью подчинившего города римской области, коммуны, освободившиеся от папской власти, Рим, где он возбудил ненависть как пополанства, так и баронства. В конце 60-х гг. XIV в. в Рим решается въехать папа Урбан V, но враждебное отношение к нему различных политических группировок побуждает его вскоре вновь покинуть «вечный город». Борьба враждующих феодально-аристократических лагерей, слабость и разобщенность пополанства, анархия, продолжающийся упадок будут характерны для Рима до конца жизни Петрарки.

Как же первый гуманист относился к сложным политическим событиям в Риме? Как оценивал его состояние? Как откликнулся на идеи и действия Кола? Надеялся ли он на возрождение былого величия Рима и с кем связывал свои надежды? Каким виделся ему обновленный Рим? В данной статье предпринята попытка осветить эти вопросы.

Мнения, высказываемые по поводу политических взглядов и идей Петрарки, зачастую противоречивы, весьма спорны: гуманиста называют сторонником реставрации римского деспотизма античности, поклонником немецких императоров, защитником сильной папской власти в Риме, романтиком, беспочвенно мечтающим о возрождении былого величия вечного города, или даже — самым аполитичным писателем XIV в.¹ Весьма противоречивые заключения относительно политической позиции Петрарки были сделаны А. Н. Веселовским, который считал гуманиста монархистом, сомневался в серьезности его политических исканий, но вместе с тем отмечал, что у поэта пробивалась идея

нации². В работах М. С. Корелина и Л. Шепелевича была основательно обрисована политическая деятельность гуманиста, показан его патриотизм³.

Интересные замечания о политических воззрениях Петрарки содержатся в работах советских исследователей М. А. Гуковского, Л. М. Брагиной: наиболее основательная оценка политической позиции Петрарки дана Р. И. Хлодовским, который приходит к выводу об антифеодальности взглядов Петрарки на церковь и империю XIV в., о несредневековости его политических размышлений. Из анализа политических сонетов выявляется отношение поэта к феодальному дворянству того времени, к вопросу об объединении Италии, о характере власти в ней⁴. Проблема Рима не стала предметом специального внимания в работах наших исследователей. О разных сторонах политических взглядов Петрарки — его патриотизме, несредневековом отношении к политическим проблемам Италии, восхищении республиканским Римом — пишут некоторые современные западные авторы⁵.

Значительная часть рассуждений Петрарки о Риме извлечена из сборников его посланий: «Книг писем о делах повседневных», «Писем без адреса», «Старческих писем» и др.⁶ Самое раннее из писем относится к 1337 г., самое позднее — к 1368 г. В статье привлечены также политические канцоны Петрарки, некоторые пассажи из его трактатов. Значительный интерес представляет инвектива «Против того, кто хулит Италию»⁷, написанная в последний год жизни, которая является ответом Петрарки на литературный выпад против него кардинала Идэна — сторонника пребывания папской власти в Авиньоне. Спор между ними шел не только о месте для пребывания папства, но и о политическом положении Италии, роли Рима в прошлом и настоящем. Такой круг источников позволяет проследить проблему Рима у Петрарки со времен молодости до зрелых лет.

Первое впечатление от посещения Рима (1337) Петрарка много позже выразил следующим образом: «...Он был ничем иным, нежели тенью и подобием Рима древнего» (Sen. X. 2. 952). Горестные строки адресует он в 1345 г. Цицерону (гуманист написал целый ряд посланий античным философам и деятелям): «Ты хотел бы услышать о состоянии Рима и римского государства, о том, каков облик твоего отечества, каково гражданское согласие, в чьих руках бразды правления, насколько оно разумно... поверь, Цицерон, если бы ты услышал, в каком состоянии наши дела, то разрыдался бы» (Повседн. XXIV. 4. 233). Чувства гуманиста безрадостны, но обратим внимание: Петрарка не отрывает Рима от отечества, его волнует состояние всей Италии. Таким образом, проблема Рима в его творчестве оказывается связанной с проблемой отношения ко всей Италии. Рим для гуманиста — не только источник благородных

воспоминаний о прошлом, он — страдающая, но живая часть столь же страдающей Италии.

Остро звучит эта тема в письме к одному из друзей, написанном после получения известия о неудачах Кола ди Риенцо: «...Узнаю рок, преследующий отечество, и, куда ни оглянусь, вижу причины и основания для горя. В самом деле — при растерзанном Риме — каково состояние Италии? При искалеченной Италии — что такое моя жизнь?» (Повседн. VII. 5. 106). Рим представляется поэту «старой матроной с растрепанными сединами и изодранными одеждами» (Fam. X. 1. 281), окаменевшей ко злу, равнодушно терпящей неисчислимые беды.

Из письма Петрарки к Цицерону можно понять, что он видит причины бедствий Рима и Италии в том, что нет гражданского согласия, нет достойных мужей, готовых взять в руки бразды правления, все существующие власти достойны осуждения. Жалкое состояние «вечного города» Петрарка объясняет и тем, что Рим пребывает «...в рабстве у гнусных людей». От их замков и оружия проистекает все зло (Повседн. XIII. 6. 132—133). В письме к римскому народу, написанном в июне 1347 г., гуманист с возмущением говорит о порабощении святого города, угнетении римского народа тиранами, которые «не желают подчиняться общим для всех законам, называют себя не гражданами, но князьями и господами» (Var. 48. 424—425). Ясно, что речь идет о римских баронах, аристократах, полновластно хозяйничавших в городе многие столетия. Петрарка смотрит на них глазами римского гражданина — рядового пополана, мастера, купца, ремесленника, нотариуса.

Смело, открыто, страстно клеймит Петрарка римскую аристократию в канцоне «Высокий дух»: «О новое, надменнейшее племя, // позорящее матери венец»⁸. Используя символику средневековой геральдики, поэт под видом хищных зверей перечисляет наиболее враждебных пополанскому Риму представителей знати: «Орлы и змеи, волки и медведи // подчас колонне мраморной вредят. // И тем самим себе вредят немало. // По их вине слезами застлан взор // их матери». Имеются в виду феодальные кланы Орсини, Тусколо, Савелли, Каэтани⁹. Исключение сделано только для семейства Колонна («колонне мраморной вредят»), которое предпринимало некоторые шаги для стабилизации политической ситуации в Риме.

Пагубными для Рима считает гуманист междоусобные войны: «...Заклинаю гражданской розни положить предел» (Канцона. LIII. 356). Примечательно, что и в стихах его чувства не замыкаются на Риме: «Италия моя... // ты при смерти... // Прошу тебя, Спаситель, // на землю взор участливый склони // и над священной смилуйся страной, // охваченной резнею (crudel guerra) // без всяких оснований для резни» (Канцона. CXXXVIII. 370—371).

Письмо священнику Стефано Колонна показывает глубину

понимания Петраркой пагубности междоусобной войны для судеб страны: «...Мы поочередно терзаем и терзаемы, взаимно разоряя друг друга» (Повседн. XV. 7. 158). Гуманист приходит к горькому заключению, что это делает «несчастливым люд от мала до велика» (Канцона. LIII. 357).

Если политическими причинами упадка Рима Петрарка считает власть знати и дворянства, их бесконечные усобицы, разбой, то этическими — забвение римлянами славной истории города, исчезновение доблестного духа его граждан (Повседн. VI. 2. 104). Упрека в этом заслуживали все римские граждане, как светские аристократы, так и простые горожане. Однако некоторые обвинения имеют и более конкретный адрес. «...Многие доблести *изгнаны* из Рима, — пишет Петрарка, — царящее там невежество достойно оплакивания» (Повседн. VI. 2. 104). Кем же были изгнаны «доблести» и какие? Не папство ли сыграло роль гонителя: ведь ему были чужды, ненавистны все светские доблести античности, в первую очередь ее культура и наука. Не последние ли изгнаны из Рима, уступив место невежеству, которое культивировалось церковниками как источник истинного благочестия?

Более отчетливо звучит эта тема в канцоне «Высокий дух»: «Тысячелетие, как в ней (т. е. в столице Италии. — Н. Д.) не стало // великих душ и пламенных сердец, // прославивших ее в былое время» (Канцона. LIII. 357). Но ведь как раз ко времени Петрарки Рим ровно тысячелетие служил столицей папства (если вести счет с Сильвестра и дара Константина). Не проявляется ли здесь негативное отношение гуманиста к средневековому периоду истории Рима и к власти папства в нем? Упадок гражданских доблестей римских граждан оказывается связанным с политическими обстоятельствами средневековой истории Рима.

Петрарка видит и некоторые внешнеполитические причины угасания Рима: власть над ним переходила из рук римлян к испанцам, африканцам, грекам, галлам, тевтонам (Sine pom. IV. 28). Как известно, захват Рима греками (византийцами) и тевтонами (немцами) тоже имел место в средние века. Такую частую смену власти гуманист по традиции объясняет игрой несправедливой фортуны (Sine pom. IV. 28). Вместе с тем он глубоко размышляет над ходом истории и приходит к выводу, что «может погибнуть всякая власть, которая когда-либо возникла» (Sine pom. IV. 28). Тем самым Петрарка начинает расхожиться как с античными представлениями о вечности римской власти, так и с церковным утверждением о незыблемости всякой власти, данной богом. Он высказывает предположение, что и современная ему власть имеет преходящий характер: «Постареют и ныне существующие власти, если продолжится их существование» (Sine pom. IV. 28).

В этих рассуждениях обнаруживаются первые ростки исто-

рического подхода к развитию человеческого общества и государства. В реальных условиях XIV в. подобные суждения могли означать, что гуманист не считал незыблемой власть итальянских синьоров, римских сенаторов-аристократов, папы, германских императоров. По сути дела уже у Петрарки обнаруживается зачаток понимания и историко-философского обоснования справедливости и неизбежности антидворянских завоеваний ранней буржуазии, имевших место в передовых городах Италии в XIII—XIV вв. Важно и понимание того, что общество и государство — организмы, находящиеся в развитии, которые со временем стареют и поэтому должны уступить место новым.

Заслугой Петрарки является и то, что он попытался выявить реальные — политические, социальные, этические — причины упадка Рима. Конечно, далеко не все было им осмыслено, но во всех его рассуждениях обнаруживается связь со взглядами демократических, популярических слоев тогдашнего общества.

Сложная и во многом безотрадная картина римской действительности давала достаточно оснований для вывода о неизбежности падения Рима, полной утрате его политической роли. Об этом говорили и писали многие современники гуманиста (скажем, кардинал Исдэн, высказывания которого Петрарка цитирует в «Инвективе против того, кто хулит Италию»). У гуманиста тоже возникали сомнения относительно судеб Рима и всей страны: «...На что отчизна // надеется своих не чуя бед? // Разбудят или нет // ленивицу? Ужель не хватит духу? // За волосы бы я встряхнул старуху» (Канцона. LIII. 355).

В 1343 г. он пишет о своих тревогах: «Я то отчаиваюсь, то надеюсь, то колеблюсь, то вздыхаю...» (Sine nom. VII. 35). После падения республики Кола положение в Риме и всей Италии казалось Петрарке совершенно безысходным: «Посмотри на Рим, наше общее отечество: он повержен в позор! — всеми попран... надежды для него нет никакой, а если есть, то очень боюсь, она сбудется за пределами нашего века» (Повседн. XV. 7. 157). Нескоро лет спустя, пережив разочарование в инициативах императора Карла IV, гуманист пишет: «Нынешние руины — свидетельство былого величия Рима, но до сих пор под благородным пеплом еще тлели угли, теперь они потухли и остыли» (Sen. X. 2. 952).

Нельзя не отметить, что суждения об угасании Рима, о его плачевном состоянии гуманист высказывает только в письмах к друзьям (Стефано Колонна, Франческо Нелли, Гвидо Сетте), прекрасно понимавшим Петрарку и разделявшим его боль и тревоги. Когда же он пишет римскому народу, трибуну Кола ди Риенцо, увещевает императора Карла IV помочь Италии, ожесточенно спорит с кардиналом Исдэном об историческом месте и роли Рима, беспощадно клеймит итальянских властителей и тиранов, в его словах прежде всего звучит страстная надежда на возрождение былого величия и славы вечного города. Задол-

го до восстания Кола, восторженно описывая в письме к Джовани Колонна впечатления от римских древностей, он восклицает: «...Кто усомнится, что Рим тотчас воскрес бы, начни он себя знать» (Повседн. VI. 2. 104). После знакомства с Кола ди Риенцо надежда гуманиста и патриота на возрождение Рима возрастает. В июне 1347 г. он пишет трибуну: «Велико еще имя римского народа, хотя и угнетенного: его бояться!... Не иссякли еще его силы! Многие может он, лишь бы только захотел (Var. 48. 431). Из этих слов ясно, что гуманист видел в народе главную силу в борьбе за обновление Рима. Призывы к возрождению «вечного города» неотделимы у него от надежд на возрождение всей Италии: «...Италия уже встrepенулась и воспрянула» (Var. 48. 431).

Очевидно, в дни восстания Кола ди Риенцо Петрарка пишет канцону «Высокий дух», обращенную прежде всего к трибуну: «Я верю — благороднейшей державе // ты встать можешь на ноги опять» (Канцона. LIII. 357). Поэт вспоминает великих основателей и деятелей республиканского Рима, чтобы доказать справедливость нового дела, неизбежную победу республиканских устремлений Кола ди Риенцо: «О верный долгу Брут, о Сципион, // узнав, что в Риме новые законы // вы станете блаженнее стократ. // И думаю, что рад // неожиданным новостям, Фабриций скажет: // «Мой славный Рим себя еще покажет» («Roma mia saga ancor bella»; Канцона. LIII. 356). Канцона энергично призывает римский народ и Кола ди Риенцо к активным действиям, чтобы все смогли «Увидеть Рим спасенным от позора».

В сентябре 1347 г. Петрарка пишет: «Подожди немного — и ты увидишь великие дела в круге земель» (Sine nom. II. 17). И дальше: «...Кто сомневается, что Италия нынче сможет столько, сколько могла прежде: ведь ей не хватает ни мужей, ни сил, ни духа, ни единства» (Sine nom. II. 17). В этих словах звучит вера в лучшее будущее родины, острое ощущение главной причины всех неурядиц — отсутствия единства. Петрарка не мог понять другой стороны исторической ситуации XIV в. — того, что объединение Италии в тех условиях было невозможно, поскольку страна в целом оставалась полуфеодальной. В своих политических порывах гуманист шагнул далеко за пределы своего времени.

После падения республики Кола Петрарка не мог не искать каких-то других путей к ее возрождению и переустройству. Как и многие современники, он видел возможного спасителя Италии в императоре Карле IV. Гуманист обращался к нему с несколькими посланиями, в которых призывал прибыть в Рим и спасти «благородную матрону, обремененную возрастом, растрепанную, но с высоким и несломленным духом» (Fam. X. 1. 281). Речь идет о несломленном духе римского народа. Очевидно, Петрарка продолжал верить в его силы и возможности, надеялся,

что пополанство поддержит усилия Карла IV, если они будут направлены на восстановление свободы и справедливости. Петрарка уверяет императора, что в Риме и Италии ему помогут «войска добрых» (Fam. X. 1. 281).

Веру в возможность возрождения Рима Петрарка сохранил до конца жизни. В «Инвективе» (1373) он доказывал кардиналу Искдану, авиньонскому клиру, итальянцам, что вечный город не превратился в руины, что цела и бессмертна его слава, что он всегда будет высочайшей вершиной мира (Invectiva. 774—776). В доказательство возможностей римлян Петрарка приводит пример восстания Кола ди Риенцо: «...Тогда всех (т. е. врагов республики.— Н. Д.) обуял страх — настолько доньше Рим нечто значительное» (Invectiva. 778).

Инвектива позволяет предположить, что Петрарка в деле возрождения Рима до конца дней надеялся на римлян и итальянский народ больше, чем на императора и папу: «Слава Рима сохранится, даже если понтифики и принцепсы не будут находиться там» (Invectiva. 774).

До конца дней гуманист вынашивал и свой идеал нового Рима. Представление о нем можно составить прежде всего из писем к Кола ди Риенцо и римскому народу. Как мы видели, Петрарка восторженно приветствовал трибуна и его сторонников, «тех, кто действовал сообща» (т. е. коммуны). Он славил их прежде всего за то, что они завоевали свободу — «драгоценнейшее благо» (Var. 48. 430; Fam. XIII. 6). Нельзя не согласиться с Мацеком, что понятие свободы у гуманиста не было абстрактным, но имело совершенно конкретное антифеодалное содержание¹⁰. Не возврат к порядкам античного Рима, но господство в нем пополанской свободы — идеал гуманиста. И вновь надо отметить: гуманист мечтал о свободе не только для Рима, но всей Италии, видел в Кола «последнюю надежду на итальянскую свободу» (Повседн. XIII. 6. 132). Очевидно, Петрарка перешагнул за рамки узко-муниципального понимания свободы, понял ее непрочно в условиях полутиранического окружения.

Вторым завоеванием республики Петрарка называет установление «общих для всех законов» (Var. 48. 430): римляне должны помнить, что между ними «не должно быть господ», все они — равные и свободные граждане (Var. 48. 430). Такое понимание было порождено новой эпохой и острой социальной борьбой между дворянским классом и пополанством.

Очень важным шагом Петрарка считает отвоевание власти у нобилитета, восстановление справедливости (Sine pot. 11. 20). Таким образом, понятие справедливости наполняется у гуманиста антифеодалным содержанием.

Петрарка не только одобрял все деяния Кола по установлению в Риме республики, но, по его словам, «подстегивал трибуна к дальнейшему» (Повседн. XIII. 6. 131). Гуманист не был наблюдателем со стороны, он чувствовал себя соратником Кола,

советником новой республики. В советах и предостережениях гуманиста проявилась его политическая дальновидность. Он писал трибуну, что удержать свободу можно только при условии, если «сумеешь разом раздавить всех вооруженных врагов свободы... отнять у них все средства вредить, разрушить их гордые замки» (Повседн. XIII. 6. 132). Как переключаются эти слова со строками знаменитых флорентийских «Установлений справедливости» и как ясно показывают, что Петрарка считал оправданным завоевание власти попопанством путем вооруженного восстания и насущно необходимой — бескомпромиссную вооруженную борьбу с феодалами.

В 1352 г., когда трибун уже находился в руках авиньонского папства, Петрарка написал горячее письмо римскому народу с призывом спасти Кола (Sine pom. IV. 39). Быть может, Петрарка надеялся, что он еще сможет восстановить свободу и республику, учесть прежние промахи и ошибки, за которые его резко упрекал гуманист и в результате которых «Рим оказался вновь поверженным в рабство» (Повседн. XIII. 6. 133). Письмо показывает, что и после поражения восстания Кола, в 50-е гг., Петрарка не отрекся от мечты о республиканском Риме, хотя и не видел путей претворения ее в жизнь. Более того, в 1373 г. он с прежним жаром вспоминает о смелом начинании народного трибуна и славит Кола, «мужа скромного происхождения... подставившего плечи республике и взявшегося за защиту пришедшей в упадок власти... И сколь значительной стала бы слава его имени, если бы так же легко было продолжить дело, как начать» (Invectiva. 776).

После падения Кола Петрарка продолжал думать о свободе для Рима, для всей Италии. Он попытался убедить императора Карла IV стать «неутомимым защитником свободы», устроить в землях Италии «нерушимый мир» (Fam. X. 1. 278—281). Следует заметить, что всем характером своих призывов Петрарка ориентировал императора на возможность установления его власти в Риме и Италии мирным путем: «Италия подготовлена к твоему приходу и ждет его... ты для нас — итальянец, никогда в тебе прежде так не нуждались» (Fam. X. 1. 280). В следующем письме гуманист вновь уверяет императора, что в Италии у него будет много сторонников (Fam. XII. 1. 5).

Нельзя согласиться с мнением Бейли, считавшим, что в посланиях Петрарки Карлу IV нашло отражение ностальгическое желание реставрации светского деспотизма поздней римской империи¹¹. Не о деспотах и тиранах, но о «творце свободы Бруте», о консуле римской республики Курии (Марке Курии Дентате), о Фабриции — известном полководце и защитнике Рима — вспоминает гуманист в письмах к императору, призывая его быть столь же благородным и справедливым по отношению к Риму, как они. Более того, Петрарка приводит императору в пример Кола ди Риенцо: «Тотчас Тоскана с готовностью про-

тянула руку, ожидая повелений, и вот уже потянулась следом вся Италия, пришла в движение вся Европа, весь круг земель... уже казалось, что возвращается справедливость и мир и их спутники: благодатное доверие, спокойная безмятежность, знаменья золотого века, наконец» (Повседн. XVIII. 1. 333).

Бейли считает, что политическая мысль Петрарки приобрела другую ориентацию после падения Кола¹². Думается, можно сказать точнее: изменилась не политическая мысль гуманиста, но его ориентация на политические силы. Петрарка не видел в тот момент никакой другой силы, способной переустроить Рим и Италию, кроме Карла IV (а позднее — папства). Идеал гуманиста — свободный от власти тиранов и нобилей Рим, умиротворенная Италия, в которой восстановлены справедливость и законность — оставался прежним. Естественно, Петрарка не мог призывать императора еще и к инициативам республиканского плана. В Карле IV он надеялся найти доблестную личность, цезаря его дней, могущего спасти Италию и Рим. Это была утопия, но порожденная потребностями возникающего нового строя, складывающегося единого национального рынка, центростремительными тенденциями, действовавшими в передовых итальянских городах-государствах. Политическая раздробленность оставалась главной помехой развития данных моментов.

Империя и церковь были и еще могли быть существенными элементами итальянской жизни, и чем больше разгорались конфликты между синьорами и отдельными государствами-республиками, тем больше могло на первых возлагаться надежд в деле восстановления мира и справедливости¹³. Но для осуществления этого Карл IV должен был перестать быть императором, носителем феодальной, деспотической по характеру власти, оторваться от присущих ей интересов, которые, как известно, выражались прежде всего в стремлении выкачивать доходы из итальянских городов и областей с тем, чтобы за счет Италии укрепить казну и политический престиж. Гуманист ориентировал Карла IV на противоположное: политическую помощь Италии и действия в интересах широких демократических слоев. Карл IV помог гуманисту изжить эти иллюзии: ни Рим, ни Италия так ничего и не дождалась от его кратковременных визитов.

В поле политического зрения Петрарки оставалась последняя сила, на которую можно было надеяться в деле возрождения Рима — папство. Как показывают «Письма без адреса», гуманист не заблуждался относительно этической и политической позиции авиньонского высшего клира. Он резко порицал папство за «растаскивание Рима по кускам» еще до авиньонского пленения (Sine пом. XVII. 58), упрекал пап за то, что они покинули город в бедственном положении: «Увы, не до него отцу святому, // что предпочел чужой родному дому» (Канцона. LIII. 357).

Гуманист с негодованием обрушивался на авиньонский высший клир за организацию в середине 50-х гг. экспедиции против Милана: «Папа свирепствовал с лютой ненавистью, словно это была не Италия, но Сирия или Египет, не Милан, но Дамаск или Мемфис» (Sine пом. XVII. 59).

И все же, когда папа Урбан V в 1367 г. высказал намерение вернуться в Рим, Петрарка адресовал ему обширное послание, в котором доказывал исторический, моральный, культурный, сакральный, наконец, приоритет вечного города над Авиньоном (Sen. VII. 1). Многие аргументы этого письма повторены в «Инвективе против того, кто хулит Италию». В ней высказано убеждение, что «римскому папе не надлежало и не надлежит возвращаться в Рим с оружием в руках» (Invectiva. 786), но только используя авторитет, мягкость, святость, речи, добродетель, человечность. Гуманист понимал, что трудно ждать возрождения Рима от пап, которые видят в его гражданах врагов.

Урбан V, однако, пытался усилить свое влияние за счет уступок римской коммуне. В ее интересах был издан ряд распоряжений: значительно сокращены полномочия Альборноса, представителям знати запрещено занимать должности в городском управлении и пр. Так что известные основания для надежд на Урбана V у Петрарки были. Гуманист определил задачи папства по отношению к Риму весьма четко: защита доблести, законов, свободы, справедливости, т. е. восстановление всего того, о чем было забыто в Авиньоне (Sine пом. XIII). Теперь уже в папе Петрарка видел личность, силу, которая «поможет справиться с общественными бедствиями», спасет Рим; потом, по мысли гуманиста, папа будет заниматься церковными делами, оставив светские пополанской коммуне (Sen. VII. 1). Петрарка ничего не говорит о политической роли пап ни в письмах, ни в инвективе «Против того, кто хулит Италию», хотя призывает их позаботиться именно о социальном переустройстве Рима, его гражданах, и лишь в одной-двух фразах говорит о роли вечного города как католического центра. Даже когда он раскрывает своему противнику Исдэну смысл понятия «священный Рим», то объясняет, что город получил это название потому, что является «гнездом законов, родителем тех, кто основал римские законы», потому что лучше других городов устроен, потому что здесь похоронено много самых знаменитых и храбрых мужей, правителей, апостолов и пап (Invectiva. 778).

Со времен М. С. Корелина высказывается мнение о том, что у Петрарки было три последовательных стремления: объединение Италии, установление в ней мира и порядка, всемирное господство Рима¹⁴. Первые два тезиса беспорядны, хотя еще не раскрыты во всей их глубине из-за неизученности значительной части политического наследия гуманиста. Что касается взглядов Петрарки на политическую роль Рима, то они не так однозначны. Действительно, в письмах к императору Карлу IV он

называет Рим столицей, политическим центром священной Римской империи германской нации, говорит о том, что, взяв вечный город в свои руки, немецкий император получит «голову» монархии, пока же он владеет лишь ее членами (Fam. X. 1. 279). Но даже в этом письме все помыслы гуманиста сосредоточены лишь на Риме, касаются только Италии, ее народа, наполнены тревогой за судьбы отечества.

Очень часто Петрарка высказывает мысль, что Рим должен стать столицей Италии. Так, в письме к римскому народу он говорит: «Италия, пораженная в голову, влачила жалкое существование» (Var. 48. 431). В канцоне «Высокий дух» Рим также называется «нашей столицей» («nostro capo Roma»; Канцона LIII, 355). Возможности и пути объединения Италии вокруг Рима горячо обсуждаются в переписке с Кола. В одном из посланий гуманист называет раздробленную Италию «чудовищем с тысячей различных голов, кусающих друг друга и враждующих поочередно с самими собой» (Sine pom. IV. 23). Петрарка пытается найти выход: «Если голов много, то должна быть одна, которая сдерживала бы всех и командовала бы всеми, чтобы мир тела оставался незыблемым... этой главой должен быть Рим» (Sine pom. IV. 23). Речь идет о необходимости национального объединения Италии, которая видится гуманисту единым целым; Рим явится его достойным центром.

Позиция Петрарки противоречива. Это проявляется не только в рассуждениях о роли Рима, но и в том, что, призывая императора в Италию, он не допускает мысли о подчинении его родины немецкой власти. В письме Карлу IV он говорит: «Италия не хотела бы чувствовать себя под властью императора словно в чужом ярме» (Fam. X. 1. 280). В письме к римскому народу (1351—1352) он называет захват Рима тевтонами «несправедливостью фортуны» (Sine pom. IV. 26). Позже, в трактате «О средствах против всякой судьбы», Петрарка приходит к выводу что «империя теперь — гибель для ее главы, а ее глава — гибель для народа»¹⁵. Он знает, что итальянцы враждебно встречали предшественника Карла IV (Fam. XII. 1. 5).

В канцоне «Моя Италия» он призывает к изгнанию всех незваных гостей из страны: «Латинян славных племя // гони пришельцев всех до одного» (Канцона. CXXXVIII. 372). Гуманисту нестерпима мысль, что «пришлый меч гуляет по стране», что в ней хозяйничают «своры вооруженных варваров» (Канцона. CXXXVIII. 371). При таком отношении к немецким рыцарям и кондотьерам, чужеземным властителям и войскам, терзавшим Италию, Петрарка не мог вынашивать планы об усилении уходящей в прошлое средневековой империи и восстановлении мирового господства Рима.

Но, может быть, Петрарка ратовал за реставрацию империи в ее античном варианте, т. е. возрождение такой власти, исходящей из Рима, которая подчинила бы себе другие народы (в

реалиях XIV в.— все области Италии, а затем Францию, Испанию, Германию и др.)? Ни в одном из писем Петрарки не встретилось подобных идей. Более того, оглядываясь на прошлое, он не может не вспомнить о стремлении всякого народа древности «освободить шею от римского ярма, пусть самого мягкого и более справедливого, чем иные власти» (Sine пом. IV. 23). Петрарка объясняет это тем, что «в душах смертных есть врожденное стремление к свободе» (Sine пом. IV. 23). Правда, он не считает оправданным всякое стремление такого рода, поскольку порою «дурно правят те, кто хорошо подчиняется» (Sine пом. IV. 23). Нельзя не заметить противоречивости этих рассуждений. В пылу полемики с Искэном Петрарка также воспользовался фактом, что римский народ не знал ярма, но подчинял других, для доказательства выдающейся роли Рима (Invectiva. 796).

Петрарка часто повторяет формулы античности, касающиеся вечного города: «Рим — общая мать, глава круга земель» (Sine пом. IV. 24); «Рим — законный властитель народов» (Повседн. XIII. 6. 133); «Рим — столица мира и царь городов» (Повседн. IV. 6. 95). Однако анализ этих писем приводит к выводу, что гуманист не вкладывал в подобные определения узкополитического смысла. Скорее, перед нами патриотическое прославление великого прошлого Рима, признание его исторического приоритета как центра культуры, колыбели античных доблестей, свобод и законности. Ведь Рим для Петрарки — «всегда первый город» (Повседн. IV. 6. 95). Гуманист говорит о нем прекрасные слова в письме «К своему Лелию» (ок. 1352): «...Если какая-то земля из всех мне еще нравится, она в Италии... нигде охотнее я не жил бы, чем в Риме, и жил бы там всегда, если бы судьба позволила. Никакими словами не скажешь, что для меня эти славные обломки царственного города, величественные развалины, следы бесчисленных и блестящих доблестей» (Повседн. XV. 8. 336)

Странничество, долгое пребывание за пределами Италии в Авиньоне не сделали из Петрарки космополита, напротив, породили у него страстное желание объединения, стабилизации и прочного умиротворения родной страны. Петрарка уважал завоевания итальянских коммун, на почве которых вырастали идеалы свободы и справедливости. Но гуманисту оказался чуждым местный патриотизм, сознание, что всякий человек — гражданин лишь Флоренции, Милана, Вероны, Падуи, Генуи, Венеции. Мысль его сумела вырваться за эти узкогородские горизонты. Он начал ощущать себя итальянцем, а не только флорентийцем, и уж тем более не авиньонцем. Можно сказать, очевидно, что у первого гуманиста рождается идея нации.

Итальянский исследователь Петронио, анализируя политическую лирику Петрарки, пришел к выводу, что гуманист занимался политикой на таком высоком уровне, которого не до-

стигал ни один итальянский поэт¹⁶. Действительно, Петрарка не остался только лирическим поэтом, равнодушным к жгучим политическим проблемам его времени. Сонеты рисуют его горячим патриотом, письма и инвективы — страстным публицистом, глубоко верящим, что его сочинения способны пробудить общественное мнение, воздействовать на него. Петрарка не ошибался: его сонеты и письма читали, обсуждали, комментировали, переписывали. Главной движущей силой всех политических чувств, исканий, размышлений его была любовь к Италии.

В осмыслении Петраркой политического состояния Рима, в поисках путей его возрождения и реальных сил, способных это сделать, немало противоречий. Они показывают, сколь тернистой и сложной дорогой пробивалась полигическая мысль гуманиста и поэта к идеалу. Есть основания упрекнуть его за отступления от республиканского идеала, но невозможно причислить к поборникам папской или императорской власти в их традиционном виде. Историческая реальность оказалась сильнее веры Петрарки в личные достоинства Карла IV или Урбана V; не оправдались его надежды и на прочность власти Кола ди Риенцо и основанной им республики.

Но при всей непоследовательности и исторически объяснимой утопичности позиции Петрарки нельзя не оценить прогрессивности его идеи возрождения Рима, горячих симпатий к попыткам переустройства вечного города на республиканской основе, его идеала свободы, мира, справедливости в Италии, объединенной вокруг Рима. Великим смыслом наполнены призывы Петрарки к умиротворению Италии; его римский патриотизм уже отчетливо начал пробивать дорогу навстречу идее национального единства Италии. Новым было понимание собственных задач: в письмах к Кола и римскому народу, в посланиях к Карлу IV, советах Урбану V, яростной полемике с кардиналом Исдэном раскрывается политическая, гражданская активность публициста и поэта, смелость и принципиальность в отстаивании своих убеждений перед лицом сильных мира сего и могучая вера в силу слова. Лучше всего сказал об этом сам гуманист в письме к Урбану V: «Принимая во внимание не мое положение, а мою убежденность, я считал для себя подобающим и почетным возвысить голос среди такого крушения общественной жизни и кричать, кричать... Я готов всеми силами души способствовать росту общественного благополучия. Ибо очень часто для государства оказывалось более полезным простое слово, и не автор его, а само это слово будоражит душу, проявляя свою скрытую силу» (Sen. VII. 1).

Многим политическим идеям Петрарки не суждено было воплотиться в жизнь в его веке, но их новизну, актуальность, глубокую историческую обоснованность доказало как последующее развитие гуманистической мысли, так и историческое развитие Италии.

¹ См.: Пинто М. Петрарка и его политическое значение. СПб., 1867; Bayley C. C. Petrarch, Charles IV and the «Renovatio imperii» // Speculum. 1942. Vol. 17. N 3.

² См.: Веселовский А. Н. Петрарка в поэтической исповеди «Canzoniere» // Веселовский А. Н. Избранные статьи. Л., 1939.

³ См.: Корелин М. С. Петрарка как политик // Русская мысль. М., 1888. Кн. 5, 8; Шепелевич Л. Историко-литературные этюды. СПб., 1905. Сер. 2.

⁴ См.: Гуковский М. А. Итальянское Возрождение. М.; Л., 1947. Т. 1; Брагиня Л. М. Итальянский гуманизм. М., 1977; Хлодовский Р. И. Франческо Петрарка: Поэзия гуманизма. М., 1974. С. 99—106; и др.

⁵ См.: Mattei R. de. Il sentimento politico del Petrarca. Firenze, 1944; Mattei R. de. Petrarca e Roma. Roma, 1974; Macek J. Pétrarque et Cola di Rienzo // Historica. Prague, 1965. Vol. 11; Petronio G. Storicità della lirica politica del Petrarca // Studi petrarcheschi. 1961. Vol. 7; Jacob E. F. An Approach to the Renaissance // Italian Renaissance Studies. L., 1960; Solinari C. Sommario di storia della letteratura italiana. Roma, 1980.

⁶ См.: Petrarca Fr. Familiarum rerum // Edizione nazionale delle opere di Fr. Petrarca. Firenze, 1926—1942. Vol. 2—4 (далее — Fam); Petrarca Fr. Epistolae sine nomine // Petrarca Fr. Le anepigrafe. Trieste, 1895 (далее — Sine nom.); Petrarca Fr. Rerum senilium liber // Petrarca Fr. Prose. Milano; Napoli, 1955 (далее — Sen.); Francisci Petrarcae Epistolae de rebus familiaribus et varie // Studio et cura J. Fracassetti. Florentiae, 1863. Vol. 3 (далее — Var.); Петрарка Франческо. Эстетические фрагменты / Пер., вступ. статья и примеч. В. В. Библихина. М., 1982. Часть посланий Петрарки из сборника «Книг писем о делах повседневных» (далее — Повседн.) цитируется по этому изданию.

⁷ См.: Petrarca Fr. Investiva contra eum, qui maledixit Italiam // Petrarca Fr. Prose. Milano; Napoli, 1955 (далее — Investiva).

⁸ Петрарка Ф. Сonetы, избранные канцоны, секстины, баллады, автобиографическая проза. М., 1984. Канцона LIII. С. 357 (ссылки на это издание даются в тексте с указанием номера канцоны и страницы).

⁹ Petrarca e il petrarchismo / A cura di M. Guglieminetti. Torino, 1977. P. 106.

¹⁰ См.: Macek J. Op. cit. P. 22.

¹¹ См.: Bayley C. C. Op. cit. P. 338.

¹² См.: Ibid. P. 327.

¹³ См.: Petronio G. Op. cit. P. 249.

¹⁴ См.: Корелин М. С. Петрарка как политик. С. 46. Бейли приходит к сходному выводу о политической несостоятельности мечтаний Петрарки о возрождении Рима как главы мира, якобы связанной с приверженностью к имперской идее (Bayley C. C. Op. cit. P. 339).

¹⁵ См.: Petrarca Fr. De remediis utriusque fortunae. Bern, 1610. Libr. I. 116. P. 189.

¹⁶ См.: Petronio G. Op. cit. P. 252.

С. В. КОНДРАТЬЕВ
Гюменский университет

СПОРЫ МЕЖДУ СУДАМИ КАК ОДИН ИЗ АСПЕКТОВ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ В АНГЛИИ В НАЧАЛЕ XVII в.

Характеристика особенностей процесса идеологического оформления требований буржуазно-дворянской оппозиции в предреволюционный период предполагает изучение его структурообразующих элементов. В литературе уже отмечалось, что